

Эмма Рудкевич

КЛИНИКА
Психиатрическая помощь
Диагноз: тревожное расстройство
Рекомендовано:
медикаментозная терапия

ПЕРЕВОД
100 000 000 ₽

БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ

Развод с предателем.

Ты хотел сделать меня
безумной ради МИЛЛИОНОВ!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем.
Ты хотел сделать меня
безумной ради миллионов!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Ты хотел сделать меня безумной ради миллионов! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я застала мужа с молодой стажёркой в нашей постели. Она фотографировала их объятия и улыбалась мне в лицо. А ночью с нашего счёта исчезли пятьсот тысяч рублей. Но самое страшное я узнала позже. Артём заплатил этой девице, чтобы она изображала его любовницу! Измена была спектаклем. Мои слёзы — частью плана. Пока я сходила с ума от предательства, муж собирался украсть мою долю в бизнесе, забрать квартиру родителей и объявить меня опасной для собственных детей. Он думал, что уничтожил меня. Но я финансовый аналитик. И теперь знаю, куда ушли наши деньги. А ещё — кто заплатил за мой разрушенный брак.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Ты хотел сделать меня безумной ради миллионов!

Глава 1

Телефон вибрировал под подушкой, как пойманная в ладонь оса. Я не сразу проснулась — привычка к глубокому сну была моим главным профессиональным качеством после двенадцатичасовых смен в банке. Но вибрация стала назойливой, прерывистой.

Я нащупала экран вслепую. Свет вспыхнул в темноте гостевой, ударив по глазам белым холодом. Push-уведомление от банка:

«Операция подтверждена. Списание: 500 000 руб. На счет ООО «Вектор-Глобал». Баланс: 124 300 руб.»

Полмиллиона. Сердце сделало кульбит и замерло где-то в горле. Я моргнула, пытаюсь стереть картинку, но цифры стояли на месте. Артём всегда говорил, что у него есть «карта на всякий случай», чтобы не дергать меня по мелочам. Счёт был оформлен на Артёма; у меня — дополнительная карта и отдельный доступ к семейным расходам. Я доверяла ему больше, чем такой схеме. Мы отложили ремонт кухни ради летнего отпуска и репетиторов для сына; я копила эту сумму ровно два года, отказывая себе в новых туфлях и кофе навынос.

— Это сбой, — прошептала я, чувствуя, как по спине пробегает липкий холодный пот. — Техническая ошибка.

Я открыла чат поддержки банка. Три точки танцевали в углу экрана, издевательски и медленно. Ответа не было. Я проверила историю операций вручную. Пусто. Только баланс. Будто эти полмиллиона испарились в черную дыру. Логика аналитика кричала о том, что нужно звонить в службу безопасности, писать заявление, блокировать счета. Но тело предательски ослабло. Голова гудела, как от перегрева процессора. Мне нужен был свежий воздух. И тишина.

Я уснула в гостевой: после поздней смены не было сил даже разбирать вещи. Из нашей спальни не доносилось привычного храпа Артёма, от которого обычно спасали только беруши. Сейчас квартира тонула в непривычной, звенящей тишине. Часы на стене показывали 22:47. Квартира принадлежала родителям и мне; пока они жили на дальней даче, мы занимали её с детьми. Артём обещал быть дома до девяти. Обещал помочь сыну с проектом по физике и прочитать дочери сказку перед сном.

Я встала, босые ноги коснулись паркета. Озноб пробежал по телу. В коридоре горел свет. Не просто горел — он бил прямо в глаза, разрезая сумрак. Почему они забыли выключить его? Дети уже спали, я слышала их тихое дыхание из соседних комнат. Значит, кто-то ходил здесь недавно. Или все еще там.

Из приоткрытой двери нашей спальни донесся звук. Шорох простыней. Мягкий, интимный, склизкий шорох ткани о кожу. А потом — сдвоенный смех. Женский. Молодой. Знакомый до тошноты.

Я замерла на пороге. Рука легла на дверную ручку, пальцы побелели от напряжения. Внутри меня поднялась волна паники, но я задавила её железной рукой рациональности. Не делай выводов раньше фактов, — твердил внутренний голос. Это может быть кто угодно. Может, они смотрят фильм. Может, это пьяный бред.

Но запах... От приоткрытой двери тянуло сладковатым, приторным облаком духов. «Chanel No. 5». Артём ненавидел этот аромат. Говорил, что пахнет старой бабкой. Этот запах висел в воздухе густой пленкой.

Я толкнула дверь. Она скрипнула, предательски громко в тишине ночи.

Картина, открывшаяся мне, не была похожа на страсть. Это была сцена. Театральная постановка, снятая на телефон. Артём лежал на моей постели, расстегнув рубашку до пупа, демонстрируя бледную грудь и дешёвые часы на запястье. Рядом с ним сидела Лиза Ковалёва — стажерка из отдела маркетинга «ТехноПром», компании Артёма, та девочка с короткими юбками и наглыми глазами, которую Артём приводил на корпоративы под видом «новой коллеги».

Они не занимались сексом. Они позировали. Лиза держала телефон в вытянутой руке, ловя угол наклона, а Артём поправлял воротник, глядя в объектив с самодовольной улыбкой победителя. Улыбка человека, который только что совершил идеальное преступление и уверен в своей безнаказанности.

Мой желудок свело судорогой. Тошнота подкатила к горлу комком кислоты. Я хотела крикнуть. Хотела схватить вазу и разбить им головы. Хотела упасть на колени и рыдать, требуя объяснений. Но вместо этого я почувствовала странную пустоту. Как будто внутри меня кто-то выдернул вилку из розетки. Эмоции отключились. Осталась только картинка и цифры в голове.

Лиза заметила меня первой. Ее глаза расширились, но страха в них не было. Был азарт. Быстро, пока Артём даже не обернулся, она ткнула пальцем в экран телефона. Отправка. Я видела, как значок сообщения исчезает в чате компании. Подпись мелькнула на экране: «Мой новый начальник? *эмоذجи подмигивающее лицо*»

Артём наконец повернул голову. Его лицо исказилось не от стыда, а от раздражения. Как будто ему помешали насладиться вкусным ужином.

— Ты опять лезешь туда, где тебя не ждут, — бросил он хрипло, натягивая одеяло. Голос был спокойным, почти скучающим. — Марина, включи голову. Это просто пиар для Лизы. Ей нужен кейс для портфолио, доказательство того, что она умеет работать со «старыми деньгами» и авторитетами.

Он кивнул на Лизу, которая уже вставала с постели, подбирая с пола платье.

— А деньги... — Артём махнул рукой, будто отгонял муху. — Это возврат долга другу. Я забыл сказать. Мелочь, не дергайся.

Ложь была такой грубой, такой очевидной, что резала слух. Возврат долга. Полмиллиона. Другу. Которого нет. Я видела, как его пальцы нервно теребят край одеяла, пряча второй телефон под подушку. Видела, как он избегает моего взгляда, потому что знает: если посмотрит мне в глаза, увидит там не жену, а аудитора, который нашел ошибку в балансе.

Лиза застегнула молнию на платье. Она подошла ближе, и ее каблуки цокали по полу, как метроном. Она остановилась в шаге от меня, вдыхая мой страх полной грудью.

— Марина, ты же знаешь, что у нас в компании политика открытости, — произнесла она внятно, специально для Артёма, но глядя мне в лицо. Ее голос был бархатным и ядовитым. — Если начальство увидит эти фото, они решат, что Артём нарушает кодекс поведения. Конфликт интересов. Но мы же договорились, что это «дружеская услуга», правда?

Она достала свой телефон. Экран светился ярким черновиком письма в HR-отдел. Тема письма: «Жалоба на харассмент и использование служебного положения».

Я посмотрела на Артёма. Он молчал. Его челюсть сжалась. Он знал, что Лиза права. Эти фото были компроматом, который мог стоить ему карьеры, репутации и всех денег семьи. Но почему она так уверена? Почему она не боится, что я сейчас возьму телефон и напишу туда же? Потому что она рассчитывает на мою слабость. На то, что жена в шоке от измены не будет думать о документах.

Марина, финансовый аналитик, не плакала. Марина считала убытки.

Я развернулась и вышла из спальни. Тишина коридора давила на уши. В кухне было холодно. Я открыла кран, подставила руки под струю воды, пытаюсь смыть ощущение грязи,

которое оставило на мне присутствие Лизы. Руки дрожали. Не от холода. От ярости, которая начала кипеть внутри, заменяя собой растерянность.

Я взяла стакан, сделала глоток. Вода показалась металлической на вкус. Открыла банковское приложение снова. История операций все еще отсутствовала. Только баланс. И новое уведомление от службы безопасности: «Подозрительная активность с нового устройства. Имя нового устройства: Лиза_К.»

Устройство Лизы. Значит, доступ к моему аккаунту был у нее. Или у Артёма через нее. Фото в спальне были приманкой. Дымовой завесой. Пока я рыдала бы над изменой, пока я кричала и требовала объяснений, они бы выводили деньги. Системно. Тихо.

Я прижала полотенце к лицу. Под закрытыми веками щипало; пришлось постоять так, пока дыхание не выровнялось. Я села за кухонный стол, включила ноутбук. Экран монитора осветил кухню голубоватым мертвенным светом. Моё отражение в стекле было искаженным, без лица. Только глаза. Холодные, расчетливые, живые.

Дверь на кухню открылась. Артём вошел, пытаясь вернуть контроль. Он выглядел нормальным мужем, который пришел к жене после ссоры. Мягкие черты лица, добрые глаза. Он положил руку мне на плечо. Его пальцы были теплыми. Слишком теплыми.

— Марина, хватит истерить, — сказал он тихо, склоняясь к моему уху. Голос стал бархатным, манипулятивным. — Мы разберемся утром. Ты же умная женщина, не устраивай цирк при детях. Я люблю тебя. Эта дурочка мне нужна только для работы. Понимаешь? Для работы.

Я отстранилась. Не резко. Просто отвела его руку, как ненужный предмет.

Мой взгляд упал на его запястье. Теперь я узнала часы. Издали, в спальне, они показались дешёвыми; вблизи на золотом корпусе была видна знакомая вмятина. Мой подарок Артёму на годовщину пять лет назад. Вчера эти часы носила Лиза, а Артём сказал, что потерял их в такси.

Не совпадение.

Кража.

Он отдал мой подарок Лизе, чтобы та выглядела «достойно» в глазах коллег, создавая иллюзию равного статуса для их «дружбы»? Нет. Даже если она вернула ему часы лишь для сегодняшней съёмки, вчера они были у неё. Моим подарком он уже распоряжался как реквизитом. Артём не просто изменял. Он систематически обкрадывал меня. Превращал мою жизнь, мои вещи, мои деньги в декорацию для своих амбиций. Лиза была не любовницей. Она была соучастницей ограбления, нанятым лицом для прикрытия финансовых махинаций.

Я посмотрела на него. Впервые за десять лет брака я видела не мужа. Я видела врага. Врага, который сидел на моем бюджете, ел мою еду и спал в моей постели, готовясь убить меня экономически.

— Хорошо, Артём, — сказала я ровным, бесцветным голосом. — Давай разберемся утром.

Он облегченно выдохнул, считая, что выиграл время. Он повернулся и вышел, захлопнув дверь.

Глава 2

Я осталась одна. Шум вентилятора ноутбука заглушал биение сердца. Я открыла архив переписок Артёма, к которым у меня был технический доступ как у администратора семейных устройств (пока он этого не заблокировал). Я набрала в поиске название фирмы: «Вектор-Глобал».

Ноль результатов в личных письмах. Но в рабочих чатах компании, которые он синхронизировал с домашнего ПК, всплыло упоминание. Короткое сообщение от его босса три недели назад: «Схема готова. Жена в курсе?»

Ответ Артёма: «Она слишком занята цифрами, чтобы видеть реальность. Активируем план на этой неделе.»

Экран монитора отражался в моих глазах. Там больше не было жены. Там не было матери. Там был аналитик, который только что обнаружил уязвимость в системе противника.

Я нажала «Сохранить». И начала искать контакты юристов, специализирующихся на мошенничестве при разводах. У меня была ещё доля в небольшой аналитической фирме, которую основал отец. Её отчёты по клиентам я проверяла по выходным; текущими делами занимался директор. Я вдруг вспомнила, как настойчиво Артём расспрашивал о цене этой доли. Первым в списке был Виктор Гольдман. Циничный, дорогой, опасный. Идеальный союзник для войны, в которой я уже проиграла бой, но ещё не войну.

Пока я писала Виктору, перед глазами снова вставала спальня. Я вернулась туда после разговора на кухне, оставив ноутбук на столе: уведомление о списании всё ещё горело на экране телефона, и теперь я хотела получить ответ, а не обещание «разобраться утром». В голове гудело, как после удара током: пятьсот тысяч рублей. Это были наши сбережения на летний отпуск и репетиторов для Димы. Я шла сюда не чтобы ругаться. Я шла узнать правду. Но правда оказалась грязнее, чем я могла предположить в своих самых циничных аналитических моделях.

Кровать была заправлена неаккуратно, простыни смяты в центре. Артём сидел на краю, спиной ко мне, поправляя воротник рубашки. А перед ним, на белоснежном белье, полулежала Лиза. Та самая стажерка из маркетинга, которую он «случайно» нанимал через знакомых. Она снова позировала. Не смущенно, не испуганно. Она закинула ногу на ногу, провела пальцем по ключице и посмотрела прямо в объектив смартфона, лежащего на прикроватной тумбочке. Экран светился интерфейсом камеры.

Мой первый инстинкт — закричать. Разбить этот телефон об стену, вырвать ей волосы, заставить её почувствовать хоть каплю того унижения, которое сейчас жгло мои внутренности. Глотка сжалась так, что я едва дышала. Но тело отказалось слушать истерику. Вместо крика пришла странная, ледяная тишина внутри меня. Я видела не измену. Я видела бизнес-процесс. Свет был выставлен идеально, фон чистый, поза продумана до мелочей. Это была постановка.

Артём обернулся. Его лицо не выражало ни вины, ни страха. Только легкое раздражение, словно я помешала ему во время деловой встречи.

— Марина, это не то, что ты думаешь, — начал он. Голос звучал ровно, отточенно. Он произнес эту фразу так, будто репетировал её перед зеркалом весь вечер. Стандартный скрипт изменщика. Небрежный. Спокойный. Ожидаящий моей истерики, чтобы затем сказать соседям или детям: «Вот видите? Она сама все придумала».

Я молча достала свой телефон. Палец дрогнул один раз, но я взяла себя в руки. Я включила экран и развернула его к мужу. На дисплее висело уведомление о списании средств. Цифры были крупными, жирными, неоспоримыми.

— Ты снял деньги с общего счета, пока я спала, — сказала я. Мой голос прозвучал чужим, хриплым. — Пятьсот тысяч. На подставную фирму «Вектор-Глобал». Чья это фирма, Артём?

Его глаза расширились на долю секунды. План рушился. Он ожидал слез, обвинений в любви, драмы. А получил финансовую претензию.

Лиза резко вскинулась, пытаясь схватить свой телефон с тумбочки. Её лицо исказилось от паники, но эта паника была театральной, направленной на камеру.

— Вы всё испортите! — шипела она, прикрывая ладонью объектив и бросаясь ко мне. — Мы же договорились! Фото должно быть идеальным!

Она не боялась меня. Она боялась сорвать сделку. В этот момент картинка сложилась окончательно. Они не любили друг друга. Они играли роль. Лиза была нанятой актрисой, а Артём — режиссером этого фарса. Цель? Заставить меня эмоционально перегореть, потерять контроль, совершить ошибку. Пока я буду рыдать и собирать вещи, они переведут активы.

Артём понял, что потерял инициативу. Его лицо окаменело, и он сделал шаг вперед, протягивая руку к моему телефону.

— Дай сюда, я объясню, — сказал он резче, сбрасывая маску заботливого мужа. Он схватил меня за запястье. Жестко. Болевой прием. Он привык давить силой, когда слова не работали. В быту он всегда говорил: «Ты преувеличиваешь», а теперь добавлял физический вес своим словам.

Боль пронзила руку. Я вцепилась свободной рукой в край двери — и вспомнила вчерашний вход в приложение. Я работала в банке десять лет. Я проверяла транзакции каждый день. Вчера вечером я видела подозрительный вход в личный кабинет. IP-адрес был домашним. Моим домашним. Но устройство... Устройство было новым. iPhone последнего поколения. Тот, который Лиза теперь сжимала в руке. Артём использовал её телефон для авторизации в моем кабинете, потому что думал, что я никогда не проверю логи входа. Он считал меня глупой домохозяйкой, которая знает только цену памперсам и продуктам.

Я вырвала руку. Резко, используя инерцию его движения.

— Ты подключился к моему банку с её устройства, — процедила я, потирая красное пятно на запястье. — И ты думаешь, я этого не заметила?

В дверном проеме появился Дима. Сыну четырнадцать, и он уже умеет читать эмоции взрослых лучше нас. Он стоял в пижаме, сонный и растерянный. Шум разбудил его.

Артём мгновенно перестроился. Поза отца семейства, защищающего детей от сумасшедшей матери.

— Мама просто устала, сынок, — мягко сказал он, даже не глядя на Лизу, которая замерла посреди комнаты в расстегнутом платье, с телефоном в руках. — Иди спать. Ничего страшного не происходит. Просто семейная ссора.

Я смотрела на сына. Видела, как он переводит взгляд с Лизы, старательно всхлипывающей без слёз, на папу, который выглядел таким спокойным, таким правильным. И потом на меня — злую, растрепанную, агрессивную.

Почва ушла из-под ног. Артём не просто крал деньги. Он крал мой авторитет. Он строил нарратив, где я — нестабильная женщина, опасная для детей. Если я сейчас начну орать, если я сейчас выбегу из дома в истерике — завтра в суде его адвокаты будут использовать эти минуты против меня. «Истеричка», «некомпетентна», «угроза безопасности».

Я почувствовала холодное презрение. Не к себе. К нему. Он недооценивал меня. Он думал, что я буду играть по правилам «развода из-за измены». Где есть обида, боль, просьбы остаться.

Лиза, пользуясь тем, что внимание было приковано к Диме, быстро ткнула пальцем в экран своего телефона. Звук уведомления — тихий «дзынь» — разрезал тишину спальни. Она отправила ещё одно фото. Прямо сейчас. В рабочий чат компании Артёма. Подпись я увидела краем глаза, читая текст на её экране, прежде чем она заблокировала его: «Мой новый начальник? эмодзи подмигивающее лицо»

Это было больше, чем измена. Это было нарушение корпоративной этики. Харассмент. Попытка дискредитации руководителя через компромат. Артём только что подписал себе приговор на работе.

Он повернулся ко мне, видя мою странную улыбку. Ту самую, которая появлялась у меня, когда я находила ошибку в балансе на миллионы долларов. Холодную. Профессиональную.

— Что ты задумала? — спросил он, и в его голосе впервые проскользнула неуверенность. Его план должен был сработать идеально. Я должна была быть униженной жертвой. А я выглядела как хищник, который наконец увидел кровь.

Я сделала шаг назад, в коридор, оставляя их в этой комнате, пропахшей дешевыми духами Лизы и потом.

— Я не буду разводиться ради твоего эго, Артём, — сказала я четко, глядя ему в глаза. — Я буду судиться ради своих активов. И начну с того, что найму юриста, который специализируется на финансовых махинациях супругов. А не на разводах по любви.

Закрыв дверь спальни, я услышала глухой удар кулака о стену изнутри. Он понял. Он понял, что игра изменилась. Теперь мы были не мужем и женой. Мы были преступником и следователем.

Я не пошла в гостевую комнату. Там было слишком светло, слишком безопасно. Я села прямо на пол в темноте коридора, прислонившись спиной к стене. Колени дрожали. Забрав с кухни ноутбук и рабочие бумаги, я устроила их рядом с собой и открыла крышку. Синий свет экрана осветил мое лицо. В отражении стекла я видела свои глаза — сухие, горящие яростью.

Контакт, найденный на кухне, я проверила ещё раз. Виктор Гольдман. Старший партнер юридической фирмы «Гильдия». Мои коллеги называли его «лучшим мясником для таких случаев». Говорили, что он не верит в раскаяние, а верит в документы. Что он содрет кожу с любого, кто попытается обвести его вокруг пальца.

Теперь короткого запроса было мало. Я дописала сообщение, указав сумму и название получателя. Пальцы стучали по клавиатуре быстрее, чем сердце. Слеза, которую я сдерживала весь этот вечер, наконец прорвалась. Я смахнула её рукавом, промахнулась по клавише и зло стёрла опечатку. Сообщение всё-таки ушло.

Слезы — это роскошь для тех, кто может позволить себе слабость. У меня не было такой роскоши. У меня был счет, который нужно было спасти. И враг, который думал, что я еще сплю.

Глава 3

Пальцы скользили по экрану телефона, оставляя влажные следы на холодном стекле. Я не могла дышать. В груди стоял ком, который давил на ребра изнутри, заставляя сердце биться где-то в горле, а не там, где ему положено.

«Ваша учетная запись заблокирована», — гласило сообщение от корпоративного портала. Красный крестик висел над моим именем так же безжалостно, как плаха над головой узника.

Я попыталась войти в общий чат проекта с «ТехноПромом» через личный аккаунт. Пусто. Холдинг «Глобал Холдинг», которому принадлежал «ТехноПром», был крупным клиентом нашего банка. Жалоба Лизы уже дошла до нашего HR; её переслала Лена: «Марина С., финансовый аналитик, проявляет неоправданную агрессию и нарушает этические нормы компании». Моя репутация, которую я строила десять лет, испарилась за одну ночь. Они не искали правду. Они искали удобного козла отпущения. Системе было плевать, что меня обокрали. Ей было важно сохранить лицо бренда перед инвесторами. А Артём... он был их лицом. Его улыбка на совещаниях стоила компании больше, чем мои цифры.

Гнев сменился ледяным спокойствием. Внутри всё сжалось в тугую комок. Если внутри офиса я стала токсичным элементом, значит, нужно играть снаружи. Я выключила рабочий телефон. Достала старый, забытый в ящике стола смартфон с моей запасной симкой. Теневой канал связи открыт.

Мне нужен был Дима. Бывший коллега из IT-департамента, человек, который мог вытащить метаданные фотографии, выложенной Лизой. Фото, где Лиза с Артёмом в нашей постели. Кадр, сделанный под углом, чтобы скрыть её лицо, но показать его профиль.

Набор номера занял секунды. Гудки тянулись бесконечно долго.

— Аллю? — голос Димы был хриплым, заспанным. Или напуганным.

— Дим, это Марина. Мне нужно пять минут твоего времени. Речь о фото Лизы.

Тишина на другом конце провода была громче крика. Я слышала, как он тяжело сглотнул.

— Марин, ты чего звонишь? Ты же знаешь правила. Конфиденциальность данных сотрудников. Артём теперь... у него влияние. Если узнают, что я помогал тебе...

— Дима, послушай меня. Мы вместе пили пиво на крыше офиса три года назад. Ты помнишь?

— Помню, — он прошипел сквозь зубы. — И помню, что если я сейчас нажму кнопку «Отправить» тебе файл, меня уволят одним махом. Без отработки. Я не могу рисковать ипотекой, Марин. Артём сказал всем, что ты истеричка. Что ты угрожаешь детям. Это ложь, но люди верят тому, кто кричит громче. А он... он умеет быть громким.

Его страх был осязаемым. Он лип к трубке, передаваясь мне через микрофон. Артём уже расставил сети. Превратил друзей в заложников, шепнув им нужные слова. Социальный остракизм работал лучше любого замка.

— Ты боишься его, — констатировала я холодно. Не спрашивая. Утверждая.

— Я боюсь потерять работу! — взорвался он. — Оставь меня в покое!

Сброс вызова ударил по ушам. Я сидела в темноте кухни, чувствуя, как тело начинает дрожать. Не от холода. От ощущения полной изоляции. Мир сузился до размеров этой квартиры, и стены давили на плечи.

Звук шагов в коридоре заставил вздрогнуть. Сонная голова Кати, моей дочери, показалась в дверном проеме. Восемь лет. Русые косички растрепались, глаза красные от слез.

— Мама? Где папа?

За ней маячил Дима. Четырнадцать лет. Подростковый максимализм и скрытая боль за маской равнодушия. Он смотрел в пол, сцепив руки в замок.

— Папа уехал по работе, — солгала я. После ссоры он хлопнул входной дверью, уведя Лизу. Голос прозвучал чужим, скрипучим.

— Он даже не зашёл к нам, — тихо сказала Катя. — Я ждала его. Он обещал почитать сказку.

— Он позвонит утром, детка. Иди спать.

Катя зарыдала. Тихо, безутешно. Этот звук разбил мое сердце на мелкие осколки. Я хотела закричать. Хотела сказать: «Ваш отец не просто спит с другой женщиной. Он продает вас обоих за деньги. Он использует вашу любовь как оружие против меня». Но я не могла. Дети не должны знать, что их мир построен на гнилых фундаментах. Пока они спят, я должна найти способ укрепить этот фундамент. Или разрушить его к чертям, чтобы построить новый.

Артём использовал их привязанность к себе. Это была не измена сердца. Это была война за ресурсы. И я была единственной, кто видел поле боя целиком.

Утро выдалось серым и мокрым. Дождь барабанил по окнам машины, создавая белый шум, заглушающий мысли. Я ехала в центр города, к офису юридической фирмы «Гильдия». Виктор Гольдман. Старший партнер. Циник. Человек, который специализировался на разводах с миллионными активами и защите от мошенничества.

На сайте была форма записи. Припарковавшись, я заполнила поля. «Причина обращения: развод, спор о разделе имущества». Нажала «Отправить».

Ответ пришел мгновенно. Автоматическая рассылка: «Благодарим за обращение. Ближайшая свободная консультация — через месяц. При остром семейном конфликте рекомендуем также помощь психолога».

Стиснула руль так, что побелели костяшки пальцев. Эмоционально нестабильная клиентка. Так они видят всех женщин, которые приходят после измены мужа. Плачущих, кричащих, требующих справедливости. Скучно. Дорого. Бесперспективно.

Я не буду плакать. Я буду считать.

Открыла ноутбук на коленях. Подключилась к облачному хранилищу, куда Артём сбрасывал рабочие файлы под предлогом «домашней работы». Раньше я не трогала эти папки. Теперь это моя карта сокровищ.

Начала писать письмо Виктору напрямую. Не просьбу о помощи. Анализ рисков.

«Уважаемый Виктор. Меня зовут Марина. Я не прошу бесплатной консультации для истерики. Я предлагаю вам инсайд. Мой муж Артём использует структуру офшорных компаний X, Y, Z для отмывания средств через фиктивные контракты на консалтинг. У меня сохранились копии первичных документов и семейный архив синхронизированных рабочих файлов. Если вы хотите получить доказательства системного нарушения закона, которое связано с холдингом Громова, фигурирующим в вашем публичном деле, — прочтите приложение. Это не жалобы жены. Это отчет аналитика».

Приложила таблицу с IP-адресами переводов, датировками и суммами. Пятьсот тысяч рублей были только верхушкой айсберга. Под столом текли миллионы.

Я отправила письмо, закрыла ноутбук и вернулась в поток машин. Сердце колотилось, но разум был яснее стекла. Я сменила тактику. Из жертвы — в эксперта. Из просителя — в партнера.

Через десять минут телефон вибрировал. Номер, начинающийся на код города.

— Марина? — голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой. Никакого сочувствия. Только интерес.

— Да.

— Вы понимаете, что данные, которые вы прислали, могут привести к уголовному делу не только против вашего мужа, но и против вас, если вы были соучастницей?

— Я не была соучастницей. Я была слепой. Теперь я вижу.

Пауза. Тяжелая, оценивающая.

— Завтра. Три часа дня. Кофейня «Лира» на Никольской. Столик у окна. Если опоздаете — дверь захлопнется.

Глава 4

«Лира» пахла свежемолотым кофе и дорогими духами. Толпа гуляла мимо, не обращая внимания на нашу маленькую вселенную за стеклянной витриной. На следующий день я села у окна и положила телефон экраном вниз. Уличный шум мешал разобрать разговор с соседнего столика.

Виктор был старше, чем я представляла по фотографиям. Сорок лет. Темные волосы, аккуратно зачесанные назад. Очки в тонкой оправе, за которыми скрывались внимательные, цепкие глаза. Он не улыбнулся, когда я села напротив. Просто кивнул и заказал себе черный кофе без сахара.

— Вы эффективны, — начал он, глядя поверх края чашки. — Обычно женщины пишут поэмы о своей боли. Вы написали бизнес-план преступления.

— Боль не оплачивает счета, Виктор. Деньги оплачивают.

Он усмехнулся. Холодно, почти хищно.

— Хорошо. Тогда давайте обсудим цену. Артём планирует оформить развод на своих условиях. Он хочет забрать квартиру родителей, долю в бизнесе и детей. Чтобы дети не видели мать, которая «разрушила семью». Это классическая схема давления. Вы готовы разрушить жизнь ваших детей ради мести?

Эти слова ударили в солнечное сплетение. Я сжала пальцы вокруг фарфоровой чашки. Тепло кофе грело кожу, но внутри было пусто.

— Если я сейчас не остановлю его, — сказала я медленно, подбирая каждое слово, как хирург подбирает скальпель, — он заберет у них будущее. Он научит их, что правда ничего не стоит, если она неудобна для власти. Он превратит их в инструменты для своего карьерного роста. Моя месть — это их защита.

Виктор смотрел на меня долго. Секунды растягивались в минуты. Я чувствовала, как под кожей мурашками бежит напряжение. Это проверка. На прочность. На готовность стать монстром, чтобы убить другого монстра.

— Мне нравится ваша холодность, — наконец произнес он. — Она опаснее слез.

Он достал из портфеля контракт. На оказание услуг и порядок передачи документов. В конце был отдельный пункт о получении банковских архивов по официальным запросам.

— Я беру дело бесплатно. В обмен на работу с вашей выборкой по схеме Громова. Банковские оригиналы будем получать через следствие; в чужие серверы вы ради меня не лезете. Вам нужна не просто победа в суде. Вам нужна ликвидация врага.

— Я хочу, чтобы он потерял всё, — прошептала я.

— Будет сделано. Но помните, Марина: в игре с дьяволом вы становитесь его помощником.

Я прочла договор до конца и подписала оба экземпляра.

Дом встретил тишиной. Слишком глубокой, слишком напряженной. Воздух казался густым, как сироп.

Когда я вошла в кухню, Артём сидел за столом. Перед ним лежали бумаги. Рядом стояла недопитая чашка чая. Он выглядел отдохнувшим, сытым. Победителем.

На столе, рядом с документами, лежал букет белых роз. Их запах перебивал аромат кофе. Запах Лизы.

— Привет, дорогая, — он не поднял глаз, листая бумагу. — Как день? Устала?

— Достаточно продуктивно, — ответила я, ставя сумку на пол.

— Вот и хорошо. Садись. Нужно кое-что подписать.

Я не села. Подошла к столу и посмотрела на документы. Соглашение о добровольном разделе имущества. Квартира родителей переходит к нему. Алименты минимальные. Опек над детьми — за ним, «для стабильности».

— Ты уверен, что это хорошая идея, Артём? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается волна презрения.

— Абсолютно. Ты нервозна. Тебе нужен отдых. Я беру ответственность на себя. Это забота о детях.

Он поднял голову и улыбнулся. Той самой улыбкой, которую я любила десять лет. Сейчас она напоминала клыки.

— Подпиши. Пока я еще в хорошем настроении. Иначе адвокат сделает это за тебя, но будет дороже.

Я молча достала из кармана распечатку. Один лист. Скриншот переписки в Telegram. Дата два дня назад.

«Лиза: Оплата за "роль" поступила?

Артём: Перевел. Жди сигнал. Она сорвется. Главное — фото.

Лиза: А если она подаст в полицию?

Артём: Кто поверит истеричке? Ты получишь должность, я получу активы. Все довольны.»

Я положила бумагу поверх его документов. Аккуратно. По центру.

Артём посмотрел на лист. Его улыбка погасла. Медленно, как угасающая лампочка. Цвет лица изменился с румяного на восковой серый.

— Откуда это? — его голос стал плоским, лишенным интонаций.

— Оттуда, где ты думал, что я слепа, — сказала я.

Он резко протянул руку, пытаясь схватить бумагу, смять ее, уничтожить доказательство.

— Ты незаконно получила доступ к моим данным! Это стокеринг! Я подам на тебя в суд за вторжение в частную жизнь! Ты нарушаешь закон!

Его крик резал уши. Он вставал, нависая надо мной, огромный и злой.

— Ты думаешь, это смешно? Я сейчас вызову полицию!

— Вызови, — спокойно сказала я. — Но сначала послушай это.

Я включила диктофон на телефоне. Громкость максимальная.

Голос Артёма, записанный сегодня утром на телефон, оставленный у кухонной двери, когда он думал, что я сплю: «...как только она подпишет, я переведу оставшуюся сумму Лизе. Она болтает лишнее, но я плачу за молчание. Босс доволен планом. Через неделю она будет нищей и одинокой...»

Артём замер. Его рука, тянувшаяся к телефону, повисла в воздухе. Глаза расширились. Страх сменил ярость. Чистый, животный ужас.

И в этот момент зазвонил его мобильный. Экран вспыхнул. «БОСС».

Он посмотрел на меня. Потом на телефон. Ответил. Пальцем дрогнул по экрану и случайно включил громкую связь. Его рука дрожала так сильно, что телефон чуть не выпал.

— Алло?

Голос на том конце был жестким, сухим, без эмоций.

— Артём. Ты облажался. Она знает про схему. И она знает про Лизу.

— Я... я могу все исправить...

— У тебя час. Убери её из игры. Любыми способами. Если завтра утром она будет говорить о нас в суде, я сам уберу тебя. И не думай, что я блефую.

Щелчок. Линия оборвалась.

Тишина в кухне стала оглушительной. Артём медленно опустил телефон. Он смотрел на меня не с ненавистью. Не с презрением. С ужасом. Как кролик смотрит на удава, который вдруг оказался голоднее, чем он думал.

Я увидела, как дрожат руки человека, который еще минуту назад чувствовал себя богом этой квартиры. И поняла: мы оба в клетке. Только у меня есть копии их разговоров, а у него — приказ, который он боится не выполнить.

Экран ноутбука залился ядовитым красным.

«Вход запрещен. Обнаружена аномальная активность с нового IP-адреса».

Глава 5

После разговора с боссом Артём выбежал из квартиры. Я вернулась к ноутбуку и моргнула, решив, что это глюк. Я не просто «аналитик», я человек, который знает каждую запятую в системе безопасности этого банка изнутри и снаружи. Но цифры не врут, даже когда они предают. Пальцы зависли над клавиатурой, холодные, как металл. Я попыталась войти через мобильное приложение — быстрый доступ, биометрия, тот палец, который Артём целовал каждое утро, пока мы были одной семьей.

Ошибка. «Сессия завершена администратором».

Не «неверный пароль». Не «техническая проблема». Завершена. Это звучало как приговор. Кто-то нажал кнопку «Стоп» с той стороны, где сидел мой муж или его сообщники.

Я заказала обратный звонок службы поддержки. Телефон зазвонил. Автоматическая линия переключила меня на оператора после тридцати секунд ожидания, и голос в трубке был гладким, бездушным пластиком.

— Добрый день, Марина Сергеевна. Чем могу помочь?

— Мне нужно заморозить все операции по счетам Артема Витальевича Волкова. Срочно. Подозрение на мошенничество и вывод активов.

Пауза была короткой, но в ней слышался щелчок клавиш. Поиск имени. Проверка статуса.

— Извините, клиент, но для подтверждения личности мне нужна кодовая фраза. Вы ее помните?

Кодовая фраза. Та, которую мы придумали вместе на медовой месяц в Турции. «Лунный свет над Стамбулом». Я произнесла вслух, четко, артикулируя каждый слог, как будто могла пробить их защиту силой голоса.

— Фраза не совпадает.

Сердце пропустило удар. Потом еще один. Грохот крови в ушах заглушил звуки улицы за окном.

— Повторите запрос, пожалуйста.

— Лунный... свет... над... Стамбулом.

— Клиент, данные не найдены. Кодовая фраза была изменена в ночь после скандала, в 03:12. Для восстановления доступа требуется личный визит владельца счета или нотариальная доверенность.

Ночь. 03:12. В этот час я уже сидела над семейным архивом, пока Артём делал вид, что спит. А Артём... Артём сидел перед своим экраном. Он сменил фразу. Значит, он знал, что я буду искать. Он ждал этого. Ловушка состояла из денег и из моего права распоряжаться семейными средствами.

Я повесила трубку. Руки дрожали, но не от страха. От ярости. Холодной, кристаллической, такой же чистой, как баланс на семейном счете, к которому мне перекрыли доступ.

В мессенджере всплыло уведомление от Виктора. Без приветствия, без смайликов. Просто текст:

«Марина. Наша фирма получила официальный запрос от холдинга босса Артёма. Юристы требуют объяснений по нашему сотрудничеству. Они давят на комплаенс. Если ты хочешь продолжать игру, нам нужно время на адаптацию стратегии. Сейчас любое резкое движение будет использовано против тебя.»

Он предупреждал. Он чувствовал ветер перемен так же остро, как я. Враг знал каждый мой шаг. Они не просто крали деньги, они окружали меня кольцом изоляции, отрезая пути к союзникам и ресурсам.

Но я не могла ждать. Пока они решают, кто кого первый, активы тают. Каждый час промедления — это минус миллионы, которые могут уйти в оффшоры Лизы. Цифры не спят. Цифры бегут.

Я схватила куртку, ключи от машины и вышла в ночной город. Мокрый асфальт отражал огни рекламных щитов, превращая улицу в неоновое болото. Головной офис банка был всего в двадцати минутах езды, если не считать светофоры, которые казались вечностью.

Моя машина нырнула в подземный паркинг небоскреба. Каблуки стучали по бетону, отсчитывая секунды. Я знала регламент наизусть. Знаю, где стоит охрана, знаю, какие лифты работают круглосуточно. Я была здесь своей раньше. Теперь я была посторонней.

Лобби встречало тишиной и запахом дорогого кофе. Свет был мягким, золотистым, созданным для того, чтобы клиенты чувствовали себя королями. Я шла прямо к ресепшену, держась за ручку сумки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

И тогда я увидела её.

Лиза. Стажерка. Девочка, которая фотографировалась с ним в нашей постели. Она стояла у зоны отдыха, держа в руках стаканчик с латте. На ней было новое пальто, явно не по стажерской зарплате, и она смеялась в телефон, поправляя волосы.

Она подняла глаза. Увидела меня.

На мгновение мир замер. Я ожидала увидеть испуг, вину, хотя бы растерянность. Но Лиза лишь чуть сузила глаза, и уголок её губ дрогнул в улыбке, полной высокомерного торжества. Она не пряталась. Она жила здесь, в сердце системы, которая должна была защищать меня.

— Здравствуйте, — сказала я оператору на ресепшене, игнорируя девушку. Мне нужен был персональный менеджер Артёма. Или начальник смены. Любой, кто имеет право заблокировать подозрительную транзакцию.

Оператор, молодой парень с идеально уложенными волосами, посмотрел на меня с профессиональной вежливостью, за которой скрывалась стена.

— Добрый вечер, Марина Сергеевна. К сожалению, доступ к данным клиентов третьих лиц строго ограничен.

— Это общий семейный счет, — голос сорвался, но я взяла себя в руки. — Я имею право знать, куда уходят мои деньги. И я требую встречи с руководителем филиала. Немедленно.

Парень замаялся. Он бросил взгляд на Лизу. Та сделала глоток кофе, не отводя глаз от меня.

— Регламент защиты данных не позволяет мне предоставлять информацию о движении средств по счетам супруга без его письменного согласия или судебного решения, — произнес он механически, словно повторяя заученный урок. — Кроме того, ваш профиль помечен как «высокий риск». Система автоматически блокирует любые попытки дистанционного вмешательства.

Высокий риск. Не жертва мошенничества. Риск. Меня классифицировали как угрозу безопасности банка, потому что я начала задавать вопросы.

— Позовите начальника смены, — потребовала я. — Прямо сейчас.

— Охрана сопровождает всех посетителей после 22:00, — ответил он, указывая рукой в сторону лифтов. — Прошу вас подождать в зоне ожидания. Я передам сообщение дежурному офицеру безопасности.

Это было унижение. Стоять под взглядами сотрудников, которые знают правду, но молчат, потому что им платят за молчание. Лиза прошла мимо меня, пахнув дорогими духами, тем запахом, который я чувствовала на подушке Артёма. Она даже не потрудилась скрыть улыбку.

Через пять минут ко мне подошел крупный мужчина в форме охранника. Лицо каменное, глаза пустые.

— Пройдемте со мной, Марина Сергеевна.

Он повел меня не к переговорной, а в глубь здания, в закрытую зону, куда пускали только VIP-клиентов и сотрудников высшего звена. Мои ноги гудели, но я шла вперед, сохраняя прямой взгляд. Я не дам им увидеть, как мне больно.

Когда мы свернули за угол, ведущий в стеклянный зал для совещаний, охранник остановился. Он протянул мне временный пропуск и показал на зажим: прицепить к лацкану куртки.

— Ждите здесь. Вас вызовут.

Я взяла карточку и посмотрела сквозь стекло.

Сердце ухнуло вниз, в желудок.

За длинным столом из черного дерева сидел Артём. Он выглядел спокойным, расслабленным, с расстегнутым воротником рубашки. Перед ним лежали бумаги, но он не читал их. Он смотрел на человека напротив.

Человек в дорогом сером костюме сидел спиной ко мне, но его жест был виден отчетливо. Он медленно, властно поднял руку и указал пальцем прямо на дверь, за которой стояла я.

Артём проследил за направлением его руки. Его лицо озарилось широкой, победной улыбкой. Той самой, с которой он ложился спать рядом с Лизой, думая, что я уже ничего не вижу.

Он не боялся меня. Он ждал меня. И он знал, что я здесь.

Внутри меня что-то оборвалось. И вместо паники пришла тихая, страшная ясность. Я больше не жена, которую обманули. Я мишень, на которую наводят прицел. И если банк не может защитить меня, значит, банк уже куплен.

Я поправила воротник, вдохнула воздух, пахнувший кондиционером и чужим предательством, и шагнула навстречу своему врагу. Игра начиналась заново.

Глава 6

После ночной встречи в банке меня отправили домой: заявления не приняли, сославшись на владельца счёта. Утром пришлось вернуться — уже по вызову HR. Воздух в кабинете HR-менеджера Ольги пах дешевым цитрусовым освежителем и чьим-то несвежим дыханием. Я сидела на жестком стуле, чувствуя, как холодный пластик впивается в бедра. Ольга перебирала бумажки, избегая моего взгляда.

— Марина, мы беспокоимся о твоём психологическом климате, — начала она, и от этой фразы меня замутило. Климат. В офисе с кондиционером, который не работал третью неделю. — Слышали про домашний скандал? Коллеги волнуются. Ты выглядишь... нестабильно. Может, возьмешь оплачиваемый отпуск? Мы оформим как «стресс», чтобы ты не потеряла стаж.

Она пододвинула ко мне листок бумаги. Заявление об уходе по собственному желанию. Не отпуск. Уход.

Я отвела руку от заявления. Телефон оставила на столе, экраном вверх. Внутри все кипело, но снаружи я была ледяной глыбой. Артём был прав: они ждали истерики. Ждали, что я закричу, заплачу, начну оправдываться. Тогда они смогут сказать суду, что я агрессивна и неадекватна.

— Ольга Сергеевна, — мой голос звучал тихо, почти шелестом, но в тишине кабинета это было громче крика. — Если вы принуждаете сотрудника к увольнению под предлогом личных проблем, не имеющих отношения к работе, я это заявление не подпишу. А попытка дискредитировать меня перед коллективом путем распространения ложных сведений о моей «нестабильности» — это клевета. Вы хотите, чтобы я записала этот разговор для суда?

Лицо Ольги вытянулось. Цитрусовый запах вдруг стал невыносимо тошнотворным. Она забрала бумагу, будто я обожгла её взглядом.

— Просто позаботьтесь о себе, Марина, — пробурчала она, отвернувшись к окну.

Я вышла, не оглядываясь. Ноги были ватными, но спина прямой. Шаг первый сделан.

Лифт остановился на нашем этаже с характерным гулом. Двери разъехались, и я шагнула внутрь, надеясь на уединение. Но там уже стояла Лена. Моя единственная подруга в этом бетонном муравейнике. Мы вместе пили кофе, жаловались на начальство, делились новостями о детях. Сейчас Лена смотрела куда-то в пол, теребя ремешок сумочки.

— Тебе лучше не появляться в переговорах, — шепнула она, когда двери закрылись. Её голос дрожал. — Там обсуждают твою нервозность. Говорят, ты орала дома так, что слышно было через стену. Что ты угрожаешь детям.

Стены лифта давили. Я почувствовала запах её духов — тот, который она носила годами, а теперь он казался чужим, враждебным. Социальный капитал. Активы, которые можно потерять за одну ночь. Лена не врала. Она боялась. Боялась заразиться моим позором.

— Спасибо, Лена, — сказала я ровно. — Но если кто-то говорит обо мне в переговорке, значит, им нечем заняться. Пусть говорят.

Двери открылись на третьем этаже. Лена не вышла. Она осталась внутри, наблюдая, как я шагаю в холл. Я не обернулась. Злость жгла изнутри, но я загнала её глубоко, туда, где она станет топливом, а не помехой.

Переговорная «Бета». За стеклянными стенами сидели пять человек. Мой отдел. Они не разговаривали. Они смотрели на меня. Как на зверя в клетке. Я вошла, села на свое обычное место, достала блокнот и ручку. Никто не произнес ни слова. Тишина была громче криков.

Через час вызвал начальник отдела, Игорь Петрович. Он не посмотрел на меня. Пальцы барабанили по столу.

— Проект по квартальной отчетности нужно сдать сегодня до шести, — сказал он сухо. — Но доступ к серверу с историей транзакций заблокирован. Технические работы. Безопасность данных после инцидента с утечкой паролей.

Утечка паролей. Артём. Он слил мои данные, чтобы потом обвинить меня в халатности. А теперь блокирует доступ, чтобы я не могла найти следы его махинаций в архивах.

— Игорь Петрович, — я улыбнулась. Это была дежурная, пустая улыбка. — Мне не нужен сервер. У меня есть локальные бэкапы на ноутбуке. Старые версии системы, которые я сохраняла вручную для аудита прошлых лет. Вы же помните, я всегда перестраховывалась.

Он наконец поднял глаза. В них мелькнуло удивление. Он забыл. Или не знал. Внутренняя сеть ещё позволяла работать с локальной копией. Полного доступа к архиву мне это не возвращало, но отчёт можно было закончить.

— Хорошо, — буркнул он. — Но если возникнут проблемы с лицензионным ПО, ответственность на тебе.

Вернувшись к своему столу, я подключилась к внутренней сети через старый USB-сетевой адаптер, который лежал в ящике стола годами. Экран монитора ожидал загрузки. Я видела, как курсор мигает, словно сердцебиение. Входит... Подключение установлено...

Рука легла на плечо. Тяжелая, мужская.

Я вздрогнула, повернув голову. Стоял ИТ-специалист, Гриша. Молодой парень с прыщами на висках и вечной жевательной резинкой во рту.

— Проверка лицензионного ПО, — сказал он, опуская руку с моего плеча на клавиатуру. — Твой софт подозрительный. Отключаю сеть.

Он потянулся к кабелю Ethernet. Его пальцы были жирными от чипсов.

— Гриша, я просто открываю локальный файл, — спокойно сказала я. — Никакого внешнего трафика.

— Артём попросил присмотреть за тобой, — он сказал это буднично, как прогноз погоды. — Не делай глупостей, Марин. Шутки кончились.

Артём. Он контролировал даже ИТ-службу. Через деньги или страх.

Гриша выдернул кабель. Значок сети перечеркнуло. Таблица осталась на экране, но загрузка новых строк остановилась.

Я не стала спорить. Не стала хватать его за руку. Я достала телефон и прижала к уху, будто отвечала на звонок. Под прикрытием этого жеста включила мобильный интернет. Пока Гриша возился с драйверами, пытаясь убедить себя, что он «чистит систему», я отправила с телефона сохранённый на нём маленький файл — список IP-адресов последних трех месяцев доступа к моему аккаунту — в личное облако. На телефон пришло push-уведомление: «Загрузка завершена».

Гриша удовлетворенно хмыкнул, отключил Wi-Fi-адаптер на ноутбуке и ушел, хлопнув дверью кабинета.

Я позволила себе слабую улыбку. Покорная жертва. Идеальная маска.

Обеденный перерыв. Столовая пахла разогретым борщом и потом толпы. Я взяла суп и булочку, направилась к свободному месту. Но там уже сидели трое коллег из соседнего отдела. Они увидели меня и замолчали. Один из них, высокий блондин с наглостью ребенка, начал передразнивать мой голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.